

«НЕДЕЛЯ» № 51 (1447). 1987 г.

2 + 2 дек.

ПАТРИОТ, ГРАЖДАНИН, АРТИСТ

СЛОВО ОБ АРКАДИИ РАЙКИНЕ

Как ни странно это звучит, но я до сих пор не мог себе представить, что об этом Человеке когда-нибудь придется говорить в прошедшем времени. Сколько я себя помню, Аркадий Исаакович Райкин всегда был для меня чем-то столь же естественным, необходимым и вечным, как солнце, небо или воздух. И сегодня я прощаюсь не просто с великим артистом, нашим маяком и лидером, не только с человеком, чья жизнь и искусство всегда меня вдохновляли, но и с самым близким и родным человеком, заменившим мне родного отца. Мои чувства гораздо сильнее слов, неизбежно слабых и банальных. Мне кажется, что молчание в память об ушедшем от нас большом художнике было бы выразительнее, чем любые слова, возгласы и рыдания, чем любые громкие и красивые фразы. Очень тяжело на душе, но мы испытываем и светлое чувство: от нас ушло только тело Райкина, а дух Райкина — патриота, гражданина и артиста — бессмертен.

Я только что вернулся из гастрольной поездки по Соединенным Штатам, где два месяца был со своими гастрольями Райкин. Мне рассказывали, что он с трудом выходил на сцену. Каждый шаг причинял ему страдания. Но, как только он появлялся на подмостках, все забывали о его возрасте, о том, что Райкин плохо выглядит, о том, что перед ними практически смертельно больной человек. И когда концерты закончились, зрители со сле-

зами на глазах, стоя, аплодировали и прощались с артистом.

Мне довелось повидать не так уж много артистов того же жанра, что и Райкин, таких артистов вообще очень мало в мире. Но, кроме того, я честно скажу, что не видел и не знаю ни одного артиста, который по мощи, по силе дарования и обаяния, по совершенно магнетическому воздействию на зал мог бы приблизиться к Райкину хоть на какое-нибудь расстояние. Пускай это не покажется громкой фразой: честно говоря, нам всем так же далеко до него, как до ближайшей планеты Солнечной системы.

Когда-то было сказано о русской литературе: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»». Вот так же точно вся советская эстрада вышла из Райкина, это справедливо по отношению к тем, кто работает сегодня, но будет верно по отношению к тем, кто будет работать завтра. Райкин — это не просто конкретный человек, это понятие, символ, это, если хотите, явление. Это явление искусства, которому нет конца, у которого не бывает смерти. Поэтому скажу еще раз: сегодня я склоняю голову перед ушедшим от нас Учителем — его свет и тепло навечно останутся с нами. Мы идем по той дороге, по которой он прошел гордо, прекрасно и честно. Мы будем постоянно трудиться, сверяясь с высшим для нас мериллом художественной совести, — им был, есть и будет Аркадий Исаакович Райкин.

Геннадий ХАЗАНОВ.

И вот выходит Аркадий Райкин. Не сомневайтесь, он знает все системы: и Станиславского, и Мейерхольда, и Вахтангова. Но зритель не знает, по какой теории блестят глаза артиста, движутся руки... Видно, у природы нашелся какой-то особый ген, который она не пожалела на Райкина. Научить человека быть Райкиным нельзя...

Рина ЗЕЛЕНАЯ.

Работа для отца — это самый естественный способ существования. Мне даже кажется, что за три часа спектакля он молодеет. Часто, бывало, звонит мне в Москву: «Приезжай, хочу показать новую миниатюру». Приезжаю утром и сразу понимаю: чувствует себя неважно. Вечером в театре я вижу, как он медленно гримируется, и невольно приходит на ум: «Зрителю сегодня не повезло»... Третий звонок, увертюра — и вот он на сцене: стремительный, азартный, с сияющими глазами! Метаморфоза, происшедшая за пять минут, потрясает. И опять забыл, что работа для отца — наслаждение, высшее состояние души.

Работать в стиле и манере Аркадия Райкина невозможно, потому что таковых не существует.

Константин РАЙКИН.

